

СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧ ХОХЛОВ

*заведующий кафедрой трудового права и охраны труда СПбГУ,
доктор юридических наук*

e.hohllov@spbu.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье формулируется понимание социального права, предлагаемое петербургской школой трудового права и права социального обеспечения. Автор определяет социальное право как юридически оформленную политику социального правового государства, осуществляемую в различных областях социальной жизни. При этом подчеркивается объективный характер причин, обусловивших возникновение как социального права, так и социального государства. Эти два феномена трактуются как закономерная и необходимая стадия в исторической эволюции плюралистического общества с рыночным типом хозяйства. Определяется место социального права в системе российского права.

Ключевые слова: Пашковские чтения, научно-практическая конференция, социальное право, социальное государство, социальная политика

В конце февраля 2016 г. в СПбГУ прошли заседания Международной научно-практической конференции «От социальных прав к социальному праву» (VII Пашковские чтения). При характеристике этого научного мероприятия я считаю нужным обратить внимание как на его формат, так и на внутреннее содержание.

Пашковские чтения

Регулярные научные конференции по проблемам трудового права и права социального обеспечения начали проводиться с февраля 1997 г., когда были организованы первые Пашковские чтения. С тех пор проблематика этих конферен-

ций, разумеется, постоянно менялась, однако неизменным оставалось их общее наименование, поскольку все они посвящены памяти выдающегося советского ученого — юриста и социолога, лауреата Государственной премии СССР, заслуженного деятеля науки РФ, проф. А.С. Пашкова (21 февраля 1921 г. — 15 июня 1996 г.).

Вся жизнь этого большого ученого и незаурядного человека была неразрывно связана с Ленинградским университетом (позднее СПбГУ). Дебют А.С. Пашкова в сфере юридической науки состоялся в начале 1950-х гг. В 1953 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию, а в 1965 г. — докторскую. Приняв от проф. В.М. Догадова кафедру трудового права юридического факультета ЛГУ, А.С. Пашков в течение 30 лет руководил ею, достойно поддерживая своей неустанной деятельностью авторитет ленинградской школы трудового права. Более 200 научных трудов — монографий, статей по актуальным проблемам теории и практики правового регулирования труда, многочисленных учебников и учебных пособий было создано им самим либо под его руководством и с его участием. А.С. Пашков был талантливым ученым-педагогом. Под его руководством было защищено более 40 кандидатских диссертаций. Около 10 его учеников стали докторами наук.

Первая научная конференция, посвященная памяти А.С. Пашкова, признала необходимым проводить конференции по проблематике трудового права и права социального обеспечения не реже одного раза в два или три года, придав тем самым этому научному мероприятию регулярный характер. Решение первой конференции было реализовано: на протяжении последующих двадцати лет СПбГУ организовал и провел семь Пашковских чтений. Можно констатировать, что петербургские Пашковские чтения вошли в жизнь отечественной юридической науки трудового права и права социального обеспечения, занимая неотъемлемое место в ее календаре. Конференция приобрела международный характер, в ее работе, как правило, принимают участие не только отечественные ученые, но и представители науки трудового и социального права из ближнего и дальнего зарубежья.

На прошедших в предыдущие годы Пашковских чтениях рассматривался широкий круг проблем как общего, так и специального характера. Предметом исследования конференций разных лет явились такие общие темы, как «Современные проблемы трудового права» (1997 г.); «Российское трудовое право на рубеже тысячелетий» (2000 г.); «Трудовое право: актуальные проблемы теории и практики» (2006 г.); «Трудовое право России: тенденции и перспективы развития» (2009 г.). В качестве примера более специальной тематики можно привести состоявшуюся в 2014 г. конференцию на тему «Юридическая ответственность в сфере труда и социального обеспечения». Полагаю, можно констатировать, что Пашковские чтения обеспечивали свободный обмен мнениями между отечественными и зарубежными специалистами по самому широкому кругу актуальных научных вопросов и в какой-то мере способствовали развитию нормотворческой и правоприменительной практики в области правового регулирования труда и социального обеспечения. Хотелось бы надеяться, что эту свою функцию Пашковские чтения будут реализовывать и в дальнейшем.

Социальное право как теоретическая и практическая проблема

Обращение VII Пашковских чтений к проблематике социального права оказалось вполне логичным и, более того, необходимым. О справедливости такого вывода может свидетельствовать количественный и качественный состав участников: в конференции приняли участие около ста ученых, в том числе и зарубежных. Немаловажно, что ее ход сопровождался весьма оживленными дискуссиями.

Причины интереса к социальному праву кажутся вполне очевидными и являются существенными как для государств классического европейского капитализма, так и для нашей страны. Дело в том, что на Западе (и в России до большевистского переворота) идея социально-экономических прав человека (так называемых прав второго поколения), сформулированная как теоретическая концепция, сопровождалась усилением социальной активности публичной власти. Эта активность проявлялась прежде всего в сфере общественного труда, свидетельством чему послужило формирование в европейских странах законодательства о труде и возникновение фабричной инспекции; наряду с этим возникли системы социального вспомоществования, включая и систему трудовой поддержки безработных, народного образования, здравоохранения, социальных коммуникаций и т.д.

Все это говорит о трансформации самого правового государства, которое из государства *либерального* достаточно быстро по историческим меркам превратилось в государство *социальное*. Указанные процессы сформировались примерно во второй половине XIX в., активно протекали на протяжении XX в., в особенности во вторую его половину. Но возникают вопросы: каковы должны быть пределы социальной активности государства, есть ли они вообще и в чем заключаются?

В предельно обобщенной форме суть проблемы состоит в том, что само понятие *социального правового государства* содержит, по крайней мере потенциально, фундаментальное противоречие: по классическим представлениям *правовое* государство есть государство, *ограниченное* в своих социальных возможностях, в своей деятельности, — ограниченное именно во имя *свободы* отдельных членов общества и их объединений; требование же *социального* государства предполагает, напротив, активную деятельность публичной власти в социальной сфере, т.е. вмешательство (*интервенцию*) государства в протекающие социальные процессы, а это означает необходимость *ограничения* упомянутой свободы. Замечу, что в области правового регулирования труда это пожалуй наиболее очевидно: законодательство о труде, будучи по своей сути законодательством императивно-диспозитивным, является значительнейшим фактором, ограничивающим договорную свободу сторон трудового отношения (работника и работодателя). Отсюда и возникает вполне практический вопрос о пределах интервенционистской деятельности публичной власти, ибо понятно, что переход за эти пределы чреват трансформацией правового государства в государство полицейское (впрочем, как и наоборот: недостаточность социальной активности публичной власти грозит низведением его до качеств государства либерального, действующего под стародавним «манчестерским» лозунгом *laissez-faire*¹).

¹ Позвольте сделать. — Франц.

Следует при этом заметить, что в науке стран Запада существовала и существует в настоящее время научная школа, представители которой подвергают активной критике как идеологию, так и практику социального государства. Эта критика имела место и в самом начале формирования этой идеологии и практики (назову в качестве зримого примера имя Т. Мальтуса), и в настоящее время (наиболее известными представителями являются, как кажется, Л. Мизес и его ученик, нобелевский лауреат Ф. Хайек). Ее суть прекрасно изложил один французский философ (О. Маркар), который следующим образом переосмыслил один из знаменитых тезисов К. Маркса о Фейербахе: «Философы истории лишь различным образом изменяли мир, речь же идет о том, чтобы оставить его в покое»².

Возникает впечатление, что в настоящее время в европейских странах практическая сторона вопроса все более актуализируется. С одной стороны, в странах Европейского союза, с его последними расширениями, все настойчивее начинают звучать (не стану судить, насколько обоснованные) обвинения в адрес экономически менее развитых стран в социальном иждивенчестве, с другой — в этом же подозреваются и всё увеличивающиеся массы переселенцев из других частей света.

Что касается России и других стран бывшего Советского Союза, то здесь та же проблема возникает с принципиально иной стороны. Как хорошо известно, у нас на протяжении большей части XX в. господствовала социалистическая социально-экономическая система. Одну из существенных ее сторон вполне определенно сформулировал в свое время В.И. Ленин в работе «Государство и революция»: при социализме все общество становится единой конторой и единой фабрикой с равенством труда и равенством платы, а все члены общества становятся служащими и рабочими этого единого всенародного государственного синдиката³. Нужно признать, что эта концепция в целом была у нас реализована.

Но из этого следует, что идеологии, а тем более практике правового и социального государства при такой системе нет места: будучи единой «конторой», социалистическое государство единолично организует все социально-экономические процессы, происходящие в обществе, включая производство и распределение социальных благ. Следовательно, если социалистическое государство и можно назвать социальным, то социальным в *исключительной* степени, что вообще-то делает излишним само это понятие.

Нынешнее российское государство конституируется, во-первых, в качестве правового, а во-вторых, в качестве социального (ст. 1 и 7 Конституции РФ). Таким образом, задачи, которые стоят в настоящее время перед нашей страной, кажутся диаметрально противоположными в сравнении с теми, которые решались в свое время на Западе. Нам предстоит сформировать гражданское общество и правовое государ-

² Цит. по: Döring E. Weltverbesserung ohne heilsversprechen // Sozialismus. Ende einer Illusion: Zerfallserscheinungen im Lichte der Wissenschaft / Hrsg. H. von Giger, W. Linder. Zürich, 1988. S. 61.

³ См.: Ленин В.И. Государство и революция: учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М., 1974. С. 1–120.

ство, т.е., с одной стороны, обеспечить *свободу* и автономию (самостоятельность) институтам гражданского общества, а с другой — *ограничить* излишнюю активность публичной власти. Конечно, это задача невероятной сложности, поскольку связана с преобразованием ментального фактора (состояния общественного сознания, привыкшего к тотальному социальному покровительству публичной власти). Однако именно этот момент говорит о принципиальном *тождестве* задач, стоящих в настоящее время перед российским и западными обществами: определить оптимальную меру вмешательства государства в социальную жизнь, причем не раз и навсегда, а в каждый конкретный момент ее эволюции.

Социальное право: взгляд кафедры трудового права СПбГУ

Позиция нашей кафедры относительно понятия социального права и его соотношения с другими правовыми категориями в существенной мере базируется на сформулированных выше положениях.

В связи с этим хочется прежде всего обратить внимание читателя на определение темы VII Пашковских чтений, состоявшихся в феврале 2016 г.: «От социальных прав — к социальному праву». В самом деле, мы полагаем, что между социальными правами и социальным правом существует очевидная генетическая связь. Как уже было отмечено, категория социальных (социально-экономических) прав была сформулирована, очевидно, не позднее середины XIX в., хотя официально признана и закреплена она была позднее.

Я считаю важным подчеркнуть, что само появление идеи социальных прав отнюдь не было благочестивой выдумкой неких филантропов, о чем часто говорили сторонники либеральной идеи в то время; сама идея и ее последующая разработка (пусть даже и при отсутствии четких юридических формулировок социальных прав) — всё это было проявлением *объективных* потребностей дальнейшего развития капиталистического общества, т.е. общества с экономикой рыночного типа. Я не имею здесь возможности подробно обосновывать эту мысль, поэтому ограничусь самым общим выводом.

Дело в том, что залогом успешного развития экономики капиталистического типа служит наличие стабильных, а лучше — постоянно растущих рынков сбыта. Отсутствие такого условия не позволило, например, в полной мере развиваться античному капитализму. В эпоху «первоначального накопления» (по определению А. Смита⁴) европейский капитализм решал проблему сбыта путем завоевания заграничных рынков. Однако с течением времени выяснилось, что возможности развития в этом направлении ограничены и, кроме того, узость собственного (внутреннего) рынка препятствует дальнейшему расширению капиталистического производства в целом.

⁴ См.: Смит А. Исследования о богатстве народов / пер. М. Щепкина. М., 1895. Подробно о так называемом первоначальном накоплении см.: Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. XXIV // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 7. М., 1987. С. 662 и сл.

Между тем при существенном росте доли лиц наемного труда в общей численности населения эти лица обладали чрезвычайно малыми потребностями. С одной стороны, при нищенской заработной плате, которая выплачивалась наемным рабочим, они имели весьма небольшую покупательную способность и, стало быть, ограничивали спрос, с другой — выплата им низкой заработной платы, часто ниже прожиточного минимума, в какой-то мере являлась вынужденной, ибо при ограниченности потребностей таких рабочих простое повышение им заработной платы расценивалось бы ими не как путь к улучшению условий своего существования, а как открывшаяся возможность меньше работать и, соответственно, больше времени проводить в кабаке⁵. К этому нужно присовокупить еще один существенный момент. Работа продолжительностью нередко до 18 часов в сутки в равной степени как для взрослых мужчин, так и для детей и женщин, в том числе беременных, причем, как правило, без каких-то специальных мер по охране труда, вела к интеллектуальной и физической деградации рабочего класса, а это уже представляло опасность для национальных интересов: армия не получала здоровых солдат, промышленность — квалифицированные кадры, способные обслуживать постоянно усложнявшиеся технологические процессы.

Возникшую крайне сложную и актуальную проблему нужно было решать. Теоретически в обществе существовали три социальные силы, которые были в наибольшей мере заинтересованными в ее решении⁶.

Первой такой силой, несомненно, являлись *товаропроизводители*. Их заинтересованность питалась двумя источниками: необходимостью, во-первых, расширения сбыта своих товаров внутри страны (а стало быть, повышения уровня потребительского спроса) и, во-вторых, удешевления производимой продукции, что могло быть достигнуто за счет технических инноваций, а соответственно, и технически подготовленной рабочей силы. Однако этот интерес имел надындивидуальный, корпоративный, если угодно — классовый характер, и он объективно не совпадал с интересами каждого отдельного товаропроизводителя, для которого траты на улучшение жизни своих наемных рабочих означали рост производственных издержек, а значит, снижение конкурентоспособности на товарных рынках. К. Маркс справедливо замечает по этому поводу: «В свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства действуют в отношении отдельного капиталиста как внешний принудительный закон»⁷. Поэтому даже соглашения товаропроизводителей относительно условий труда рабочих не были бы достаточным регулятором, ибо неизбежно и постоянно нарушались бы.

⁵ Примечательно в этом плане название одной из работ Р. Иеринга, см.: *Иеринг Р. фон. На водку (обычная просьба рабочих)* / пер. с нем. Я.Г. Розенберг. Киев, 1883.

⁶ Подробнее об этом см.: *Хохлов Е.Б. История труда и трудовое право* : в 3 т. Т. 1. История труда в контексте хозяйственных, политических и ментальных систем / под ред. И.Ю. Козлихина. СПб., 2013 (глава 12).

⁷ *Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1* // *Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 7.* С. 252.

Другой силой, способной повлиять на сложившееся положение, могли бы стать *сами наемные рабочие*. Однако для этого им необходимо было, во-первых, осознать общность своих корпоративных интересов, а во-вторых, выработать легальные формы экономической борьбы за эти интересы. Между тем, учитывая общее состояние рабочего класса, до такого осознания было еще далеко, а потому борьба носила до поры до времени хаотический и чаще всего насильственный характер; да и впоследствии, после того как она приобрела организованные формы, профессиональные союзы (исключая, пожалуй, лишь английские тред-юнионы) еще не скоро избавились от социалистических иллюзий и, соответственно, намерений политического переустройства общества, что разумеется, не вызывало ни сочувствия, ни тем более энтузиазма у существовавших политических структур, которых надлежало уничтожить. Кроме того, даже и легальная борьба профсоюзов за права своих членов с неизбежностью должна была иметь ограниченный, *корпоративный*, характер, ограничиваясь пределами того, что впоследствии было определено как «профсоюзный эгоизм».

Таким образом, возникала необходимость в некоей *третьей силе*, которая обладала бы несколькими важными качествами: во-первых, ее решения должны были иметь комплексный характер, охватывая все главные аспекты проблемы, во-вторых, эта сила должна была быть достаточной для того, чтобы обеспечить проведение своих мер в отношении всех других социальных субъектов. Иными словами, эти меры должны были иметь для таких субъектов значение, сравнимое с действием объективных законов природы: ведь упомянутые законы распространяются в равной степени на всех, и их действие всем приходится учитывать в своей повседневной деятельности. Понятно, что такую роль может выполнять только публичная власть (государство).

Замечу, что это прекрасно осознавалось и наиболее проницательными предпринимателями. В историко-экономической литературе встречается упоминание о стаффордширских предпринимателях, которые в середине 60-х гг. XIX в. сформулировали эту идею в особом меморандуме⁸. Этот меморандум, в частности, цитирует и К. Маркс: в начале 1863 г. 26 фирм, владеющих обширными гончарнями в Стаффордшире, в особом меморандуме ходатайствуют «о властном вмешательстве государства». «Конкуренция с другими капиталистами» не позволяет им произвести какого бы то ни было «добровольного» ограничения рабочего времени детей и т.д. «Сколько бы мы ни сетовали поэтому на упомянутое выше зло, его невозможно было бы устранить посредством какого-нибудь соглашения фабрикантов между собою... Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы пришли к тому убеждению, что необходим принудительный закон»⁹. Как известно, примерно в это же время в Англии, как и в других европейских странах, государства приступили к изданию такого рода принудительных законов.

Итак, с учетом изложенного стоит еще раз подчеркнуть, что как идея социальных прав, так и интервенционистская практика социального государства, будучи

⁸ См.: Children's Employment Commission. 1st Report. London, 1863. P. 322.

⁹ Маркс К. Капитал. С. 252. См. также: Брентано Л. История народного хозяйства Англии. Т. 3. Эпоха освобождения и новая организация хозяйственной жизни. М. — Л., 1930. С. 399.

взаимосвязанными, выросли отнюдь не из благих требований многочисленных филантропов, в чем не устают упрекать их многочисленные критики социально-экономического интервенционизма из числа убежденных либералов (хотя значение гуманистической активности этих филантропов отнюдь не следует приуменьшать). Есть достаточные основания утверждать, что формирование практики социального государства не только объективно обусловлено, но, более того, является необходимым и закономерным этапом (и фактором) дальнейшего развития плюралистического общества и экономики рыночного типа.

Можно констатировать, что существует прямая связь между идеей социальных прав (или прав второго поколения) и формированием социального законодательства, а стало быть, трансформацией государства в социальное правовое государство. Права человека второго поколения носят не негативный, а позитивный характер, в том смысле, что их реализация возможна только при наличии активных встречных действий обязанных субъектов, тогда как реализация прав человека первого поколения предполагает *воздержание* всех от определенного поведения. Главнейшим из обязанных субъектов является, безусловно, публичная власть (государство). Это позволяет нам как объяснить смысл наименования нашей конференции («От социальных прав к социальному праву»), так и сформулировать принципиальные подходы к объяснению понятия социального права.

Обращаясь к этому вопросу, прежде всего замечу, что в юридической науке отсутствует единство в толковании понятия социального права. Категория социального права часто связывается с процессом *правогенеза*, т.е. трактовкой источника права в материальном смысле. По этой идее следует в формальном плане различать право, формируемое *государством* (и в этом смысле право *государственное*), и право, исходящее из иных материальных источников, — и в этом смысле право *социальное*. Такая трактовка отнюдь не является чем-то совершенно новым в социологии права, и она вполне приемлема — если только не выходить за пределы того контекста, в рамках которого сформулирована. В самом деле, плюрализм общества должен предполагать и плюрализм материальных источников права, в плюралистическом обществе право может твориться не только государством, но и другими социальными силами.

Похожее понимание социального права было предложено выдающимся немецким юристом О. Гирке еще в конце XIX в. в работе «Немецкое частное право». Ученый, сохраняя деление права на частное и публичное, одновременно считал наиболее подходящим для современного права разделение его на индивидуальное и социальное. По его мнению, старого деления права на частное и публичное недостаточно, поскольку понятие социального не исчерпывается понятием публичного (государственного); существует бесконечно много социальных прав, которые не являются правами государственными. Общественность не исчерпывается в государстве, но проявляется также в целом множестве других союзов с самостоятельными жизненными целями: в семье, церкви, общинах, товариществах, в международном общении.

Принимая во внимание все сказанное ранее, очевидно, нужно дать существенно иную трактовку понятия социального права (что, разумеется, не отменяет позиции

О. Гирке и его сторонников). Понятие социального может быть связано с деятельностью *социального государства*: государство вырабатывает определенную *социальную политику*, а поскольку оно и его агенты действуют в реализации такой политики, эта деятельность должна быть оформлена *юридически*.

Подводя итог сказанному, можно сформулировать следующие признаки, которые характеризуют социальное право.

1. Социальное право имеет своим предметом отношения, складывающиеся в связи с осуществлением социальной политики — деятельности в социальной сфере, направленной на социальное развитие.
2. Субъектами социального права являются *публичные агенты*. Суть этого понятия заключается в том, что, даже будучи по своей организационно-правовой структуре негосударственным образованием и преследуя частный интерес, в сфере социальной политики публичный агент реализует официальную, публичную функцию, осуществляет общественный, публичный, интерес. Например, в сфере отношений по охране здоровья и оказанию медицинской помощи могут быть заняты и частные посреднические фирмы, действующие в целях извлечения прибыли, однако их деятельность носит официальный характер, легализованный Конституцией (п. 2 ст. 41), поэтому строгому юридическому опосредованию подлежат как формы такой деятельности, так и личность участников. Важнейшим субъектом социального права выступает государство.
3. Главным направлением деятельности публичных агентов является оказание социальных услуг¹⁰.

Таким образом, социальное право — это *система правоотношений и соответствующих правовых норм, в рамках которых определяется содержание и реализуется социальная политика, т.е. регулятивная деятельность государства и иных социальных образований, выступающих в качестве публичных агентов, выражающаяся преимущественно в оказании социальных услуг и направленная на социальное развитие*.

Заключение

В завершение статьи целесообразно остановиться на определении *места* социального права в системе права.

Прежде всего представляет интерес вопрос о соотношении социального права с такими общими правовыми категориями, как право *публичное* и *частное*. По этому вопросу в литературе имеются расхождения. Во всяком случае, сформулированы две

¹⁰ См. также: Филиппова М.В., Хохлов Е.Б. О понятии социального права // Российский ежегодник трудового права. 2005. № 1. С. 491–509; Право социального обеспечения: учебник / под ред. М.В. Филипповой. М., 2006. С. 81–87.

точки зрения: а) социальное право есть элемент публичного права; б) социальное право существует *наряду* с частным и публичным правом (как, в частности, полагал О. Гирке). Я не стану приводить аргументы в пользу той или иной точки зрения, в частности и потому, что этому вопросу посвящено специальное исследование другого автора, публикуемое в этом номере¹¹.

Более практический интерес представляет вопрос о соотношении социального права с другими отраслями права. Прежде чем отвечать на него, обращу внимание читателя на то, как формировалась политика социального государства в момент его становления: она отнюдь не была узконаправленной, но, напротив, имела комплексный характер. Государство не только создавало законодательство, запрещавшее применение труда малолетних, нормировавшее использование труда несовершеннолетних и женщин и т.п., оно одновременно предпринимало меры, направленные на развитие народного здравоохранения и народного просвещения, социального страхования и социального обеспечения и т.д. Уже одно это перечисление говорит о том, что нет никаких оснований ни относить социальное право к числу отраслей российского права, ни тем более отождествлять его с правом социального обеспечения, ни, наконец, рассматривать социальное право как некое комплексное образование, объединяющее в себе две отрасли — трудовое право и право социального обеспечения. Все эти точки зрения сформулированы в литературе, и все они — в большей или меньшей степени — кажутся неправильными.

Если исходить из того, что социальное право есть выраженная в юридической форме социальная политика, а эта политика осуществляется в самых разных сферах общественной жизни, то станет вполне очевидным тот факт, что социальное право является правовым феноменом, стоящим рядом или возвышающимся над традиционными отраслями права. При этом одни отрасли могут быть целиком признаны отраслями социального права (например, право социального обеспечения), другие являются отраслями социального права лишь частично. Было бы весьма опрометчиво считать трудовое право целиком правом социальным, ибо если говорить об индивидуально-договорном регулировании труда, то это, несомненно, отрасль частного права, а вот в отношении государственно-нормативного *ограничения* договорной свободы сторон трудового договора трудовое право есть право социальное. В рамках норм отдельной отрасли можно выделить правовые массивы, которые могут быть определены термином «социальное право». К их числу в административном праве относятся, например, медицинское и образовательное право.

Таковы принципиальные подходы кафедры трудового права и охраны труда СПбГУ к определению феномена социального права. Конечно, я здесь сказал лишь о том, что кажется существенно важным, а это значит, что впереди нам предстоит большая работа по дальнейшему осмыслению этой интереснейшей научной проблемы.

¹¹ См. статью А.В. Кузьменко, опубликованную на с. ??? этого номера журнала.